

УДК: 81'27(510)

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-669-684

КАТЕГОРИЗАЦИЯ НОМИНАЦИЙ ЯЗЫКОВ В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

С.А. Москвичева, Ли Сюэ

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Российская Федерация, 117198

В настоящей статье предложены принципы построения таксономий языков в зависимости от социальной и политической категоризации языкового пространства. Предлагается разграничивать понятия категоризации и классификации/типологии/таксономии языков. Категоризация понимается как форма познания, связывает субъект и объект познания, следовательно, ее продуктами являются репрезентации различного уровня абстракции в индивидуальном или коллективном сознании.

Материал и методы. Таксономии и классификации, как методы познания, относятся к эпистемологии и представляют собой принципы упорядочения результатов категоризации. Поскольку социополитическая категоризация языкового пространства имеет принципиально дискурсивную природу и, следовательно, представляет точки зрения различных субъектов познания, едва ли возможно квалифицировать номинативный аппарат в данной области как терминологический в строгом смысле.

Результаты. Мы имеем дело со множественной номинацией, восходящей к различным эпохам, идеологиям и прагматическим целям различных субъектов глоттополитики, что приводит к широкой контекстуальной синонимии и антонимии номинаций в данной области. Дискурсивная природа данных номинаций также приводит к принципиальному различию смыслового пространства формально схожих номинаций в разных культурно-политических регионах, что затрудняет адекватный перевод и требует тщательных семантических исследований.

Заключение. Таксономия номинаций социополитической категоризации языков строится по модели поля, где в центре располагаются прототипические номинации, задающие основные векторы структурных отношений внутри данной модели.

Ключевые слова: категоризация, таксономия, языковая ситуация, языковая политика, социополитические категории языков, русский язык, китайский язык

ВВЕДЕНИЕ

Научная реальность сегодняшнего дня такова, что концептуальный аппарат социолингвистики в мировой науке вообще и российской науке в частности, в том числе в области социальной и политической категоризации и репрезентации языков, представляет собой весьма эклектичный набор номинаций с широкой синонимией и полисемией, а также с неустоявшимися дефинициями терминов.

Такое положение дел обусловлено целым рядом факторов как онтологического, так и эпистемологического характера, среди которых можно выделить как объективные, так и субъективные причины неустойчивости и неоднозначности социополитических номинаций языков. К объективной причине можно отнести смены исторических и идеологических формаций в исследуемых геополитических

регионах, а также смены научных парадигм, которые приводят к рекатегоризации научных знаний на иных эпистемологических принципах.

Любые вопросы, связанные с языковой политикой, статусом и функционированием языков, являются чрезвычайно важными, а часто и весьма болезненными для общества. В устоявшихся социально-политических образованиях это касается, в первую очередь, меньшинств или носителей миноритарных языков. В эпоху же создания или коренной трансформации национальных государств затронуты в равной степени могут оказаться все группы населения, в том числе и носители мажоритарных языков. Известно, что поиски национальной и этнической идентичности часто фокусируются на языковых проблемах, при которых диада язык — народ/нация рассматривается как неразрывное целое. Со времен французской революции, закрепившей принцип «Одно государство — одна нация — один язык», основанный на идеях Ж.-Ж. Руссо и Е. Сиейнса, понимание языка как одной из ведущих сил политических процессов, направленных на достижение независимости и государственное строительство, остается неизменным. Не случайно в 20-е годы XX века языковая политика и связанное с ней языковое строительство были одним из приоритетов культурной революции, наряду с индустриализацией и построением государства социалистического типа в СССР. Также не случайно и то, что 1974 году в Китае периода Культурной революции один из лозунгов звучал как «Конфуций — великий предводитель врагов и реформы письменности». Реформа письменности и распространение путунхуа представлялось наиважнейшей задачей, стоящей в одном ряду с ключевыми целями культурной революции: борьбой с традиционными ценностями и укладом (конфуцианство) и политическими противниками и оппонентами (Линь Бяо) [1. С. 226—227].

Таким образом, исторические и культурные традиции, идеологические и ценностные установки, политика и социальные отношения, — все это составляет основу категоризации языков в социальном и политическом аспекте, чутко реагирующей на идеологический фон. Результатом смены идеологической формации становится перестройка семантической структуры слова, наполнение ее другими смыслами. Также перестраивается и структура всего поля номинаций.

ПОНИМАНИЕ НОМИНАЦИИ 'СОЦИОПОЛИТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВ'

Языковое пространство безусловно подвергается категоризации с точки зрения экстралингвистических факторов. Среди них отдельно можно говорить об этническом измерении языка, но этнос и его язык давно и прочно воспринимаются как некое единство, что приводит к совпадению их номинаций. Мы не будем останавливаться на этом вопросе.

Политическое измерение как таковое с полным основанием можно считать частью социальных отношений. Однако прочные и старые традиции двух отдельных наук — социологии и политологии — позволяют разграничить зоны социального и политического ракурса категоризации, что и легло в основу номинации *социополитическая категоризация языков*.

И социальная и политическая категоризация языкового пространства имеют преимущественно дискурсивную природу, что приводит к необходимости изучения данного вопроса на основе широкого исторического, культурного, политического и социального обобщения. Данная категоризация организована по принципу поля, в центре которого располагаются категории, имеющие официальный статус, следовательно, являющиеся продуктом языковой политики и отражающие точку зрения господствующего дискурса (дискурса власти). Поэтому нам представляется правильным определять данные категории именно как социополитические, а не просто социальные или социолингвистические. Важно также отметить, что за номинациями языков такого типа иногда нет никакой более менее определенной онтологической реальности. Они не отражают, а задают параметры действительности.

Близкими к данной типологии являются социолингвистическая и функциональная типология языков, чьи основания частично пересекаются, но не совпадают с исследуемой. Принципы их построения и их результаты мы используем в нашей работе.

СОЦИОПОЛИТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВОГО ПРОСТРАНСТВА И ПРИЧИНЫ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ МНОЖЕСТВЕННОСТИ

Ранее мы уже обращались к вопросу о причинах терминологической множественности в области социолингвистической терминологии [2]. Здесь кратко повторим основные тезисы предыдущих работ.

Термин как единица изучения в рамках дисциплинарного поля лингвистики может рассматриваться как минимум на двух уровнях анализа: онтологическом и логическом. С онтологическим уровнем связано понятие объекта исследования. В традициях советской и российской науки объект и предмет разграничивались строго и последовательно, что приводило к принципу единственности объекта изучения и сущностному подходу к его трактовке.

Иными словами, объектом исследования всегда остается определенная онтологическая сущность, и именно в этом смысле он единственен. В нашем случае это языковые ситуации в русскоязычном и синоязычном пространствах. В то же время предметов исследования в заданном объекте может быть множество. Отсюда вытекает возможность изучения объекта исследования с разных точек зрения, применение к нему разных научных парадигм и методов разных наук, что естественным образом порождает множественность номинаций одной и той же онтологической реалии и, как следствие, множественность терминологий, каждая из которых в идеале является системой знаний, сконструированной исходя из определенной точки зрения. Предметом исследования является категоризация данных пространств в социальном и политическом измерениях с точки зрения таких факторов, как институциональный и репрезентативный статус языка, демографический и коммуникативный потенциал языка, сферы распространения, функции, социальный образ языка и т.д. с последующим построением таксономии. Поскольку категоризация как таковая расположена на оси отношений субъект —

объект и субъективна по природе, то категоризаций как результатов процесса может быть неограниченное множество.

С параметрами субъективности связан тот факт, что данные категоризации происходят практически исключительно в дискурсивном пространстве, структура и смыслы которого выводятся не из онтологической природы объекта, где знания сопряжены и отражают действительности, а из репрезентаций и ментальных конструктов. В процедурах семантического анализа номинаций социополитических категорий языков лингвистика опирается не на онтологическую природу объекта, а на дискурсы различного типа и конструируют смыслы, порожденные именно в их рамках. Следовательно, мы имеем дело не с терминологией, а с номенклатурой [3].

Онтологическая парадигма знания предполагает познаваемость объекта, и как следствие, поиск его сущности, а поскольку сущность единственна, то единственной должна быть и терминология, результирующая эти поиски. Таким образом, можно утверждать принципиальную единственность терминологии при множественности номенклатур, связанных не с объектом, а с предметом исследования [3]. На позициях объективизма последовательно строится терминологическая концепция Г.П. Мельникова. Идеальная терминосистема отражает сущностные свойства объекта, а «не проекции (...) сущностей в аспекте той или иной прагматической задачи» [3. С. 43]. В нашем случае мы имеем дело с последними.

Эпистемологические подходы ни советской, ни российской социолингвистики никогда не соответствовали и не могли соответствовать онтологической парадигме. Советская социолингвистика, заявляя о своей приверженности к диалектическому материализму, не в меньшей, если не большей мере, чем постсоветская наука, занималась социальным конструированием. Этот конструктивистский по своей природе социальный эксперимент в области языковой политики нашел выражение в целом ряде номинаций языков, которые используются до сих пор, однако совершенно в ином смысловом поле. Все вышесказанное относится и к социополитической категоризации языкового пространства КНР. Сопоставить эти регионы тем более интересно, что оба прошли через революции и глубокие культурные и социальные трансформации в XX веке, оба выбрали коммунистическую доктрину как ориентир своего развития.

В 50-е годы XX века КНР находилась под сильным идеологическим влиянием СССР, однако это не привело ни к идентичности языковой политики в двух странах, ни к идентичности социополитических номенклатур языков. Более того, глубинная идеология и представления об основных задачах языкового строительства в КНР и СССР были весьма различны, при определенном сходстве номинаций языков.

Российскую гуманитарную науку последних десятилетий в целом характеризует повышенный интерес к идеям конструктивизма и постконструктивизма и полное или частичное отрицание эссенциалистских парадигм. Произошло движение в сторону отказа от поиска «объективных истин» об исследуемом предмете, к поиску значимых отношений, проявляющихся в дискурсах различного типа и требующее применения процедуры интерпретации полученных данных.

Все это, наряду с разочарованием в принципиальной возможности объективного познания мира, при котором наука есть зеркало природы, привело к приоритету парадигм социального конструирования реальности, предполагающих множественность равноправных, но несхожих интерпретаций полученных смыслов и их структур, а также к доминированию постмодернистской парадигмы знания о социальных объектах, к которым отнесен и язык в своих социальных функциях. Множественность интерпретаций закономерно приводит к множественности номинаций, отражающих эти поиски. Каждая из таких аспектуальных терминологий способна адекватно отражать стоящие за ней конструкты и смыслы, но нужно помнить о недопустимости их смешения.

В качестве примера ограничимся двумя номинациями: *миноритарный язык* и *региональный язык*. Следует ли понимать под *миноритарным языком* язык, число носителей которого меньше, чем носителей другого языка на территории данного государства, или это функционально более слабый язык, или же язык с более низким статусом, чем государственный? При наличии института наций на территории государства можно ли считать титульный язык нации миноритарным на том основании, что в рамках государства в целом число его носителей безусловно меньше, чем у мажоритарного языка? Являются ли синонимами *миноритарный* и *малый языки*?

Номинация *региональный язык* также порождает ряд вопросов: идет ли речь о территориальном варианте какого-либо языка, то есть о диалекте, или же региональный язык — это структурно и функционально иной идиом, обслуживающий определенное коммуникативное пространство в рамках государственного образования (тогда он войдет в оппозицию *мажоритарный язык* — *миноритарный язык*).

Аспектуальная природа социополитических номинаций языков может быть раскрыта только в терминах дискурса и дискурсивных практик.

ДИСКУРСИВНАЯ ПРИРОДА НОМИНАЦИЙ

Рассматриваемая нами терминология не просто связана с различными дискурсивными практиками, а производна от них, поэтому формально схожие номинации языков (например, *национальный*, *родной* или *региональный язык*) имеют разную смысловую структуру, разную ценность, и, как следствие, занимают разное место в общей структуре номинаций Российской Федерации, Французской Республики или Китайской Народной Республики, при том, что они присутствуют и значимы во всех этих регионах.

Дискурс — одно из модных понятий лингвистики последних лет, но частое употребление данного научного конструкта в самых разных контекстах привело к размыванию его смысла и неустойчивости значения. Дело здесь, конечно, не только в небрежном, нетерминологическом употреблении слова, но и в том, что понятием «дискурс» пользуются самые разные сферы гуманитарного знания, решая свои специфические задачи и адаптируя термин под свои нужды. Анализ

этого понятия в рамках лингвистических концепций дан в работах Е.А. Красиной [4; 5]. Уточняя понятия *дискурс*, *высказывание* и *речевой акт*, автор определяет дискурс как «поле, в котором наряду с другими объектами существуют речевые акты и высказывания, и одновременно дискурс конституируется как сложная система знаний, которые могут быть представлены посредством высказываний и речевых актов» [5. С. 99]. Цели и задачи нашего исследования не предполагают углубления в лингвистическую проблематику и природу дискурса. Дискурс для нас — это сплав языка и действительности, некое смысловое поле, в котором формируются актуальные значения. Важными для нас оказываются идеи М. Фуко о дискурсе как установлении границы того, что подлежит означиванию, как конденсированном выражении господствующих социальных ценностей и социальных практик [6]. В понимании дискурса мы исходим из установок социального конструктивизма:

— знания и представления о мире являются результатом способов ее категоризации, а не прямым отражением реальности;

— знания и представления о мире имеют историческую и культурную обусловленность;

— способы понимания мира созданы и поддерживаются социальными практиками и процессами;

— существующие структуры знаний и истин имеют социальные последствия. Подробнее на эту тему см. [7. С. 24—25].

Каждое отдельное поле социополитической категоризации языков есть пересечение множества дискурсов, существовавших или существующих в данном коммуникативном пространстве. Поэтому означающее практически любой исследованной номинации представляет собой мерцающую структуру, разные грани которой отсылают к смыслам разных эпох, акторов, ситуаций и требуют определенных процедур вскрытия неявных смыслов той или иной номинации. Актуальным, как правило, становится только один из них, наиболее соответствующий моменту времени и господствующей точке зрения. В этом смысле продуктивны идеи М. Фуко о знании как археологии [6], что требует применения определенных процедур для понимания заложенных в нем смыслов.

В связи с этим также интересно было обратиться к циклу работ 30-х годов М.М. Бахтина, особенно к «Слову в романе» [8], и статье П.М. Бицилли «Проблема русско-украинских отношений в свете истории» [9].

В диахроническом и динамическом аспекте номинации миноритарных языков отнюдь не универсальны и не нейтральны, их структуры весьма различны в рассматриваемых регионах. За каждой из них стоит целый комплекс последовательно сменявшихся эпистемологических установок, идеологий разных эпох, интенций разных субъектов языковой политики и глоттополитики. Достаточно сказать, что Россия и Китай, кардинально или очень существенно сменив социальные и идеологические векторы развития, в целом сохранили формальную структуру терминологии в области категоризации миноритарных языков, но остались теми же или

изменились смыслы, стоящие за оболочками слов? При этом, подчеркнем еще раз, что категоризация языков находится в эпицентре языковых и национальных проблем и является вещью, очень и очень чувствительной для общества.

Любая номинация в интересующей нас области принципиально не может являться строгой логической проекцией вещи на язык. Это, как было сказано выше, единица определенного дискурса, определенной точки зрения. При этом нужно помнить, что меняются не только дискурсы, господствующие в общественной жизни, но и сами эпистемологические установки, с которыми коррелируют дискурсивные практики, в том числе и научные. Стоит напомнить, что за последние сто лет разные эпистемологические установки давали разный ответ на природу коннотативного компонента и значения в целом: марксизм искал их в социально-экономических отношениях, фрейдизм — в либидо и влечениях индивида, постструктурализм — в предшествующих текстах, культурных языках, смыслы которых бессознательно впитаны современной культурой, то есть в семиотике.

Наслоение смыслов номинаций различных эпох и идеологических формаций приводит к контекстуальной синонимии и полисемии номинаций.

Приведем еще один пример, который касается довольно сложных и интересных отношений между номинациями *гуаньхуа* — *мандаринский* — *гоюй* — *путунхуа* — *ханьюй* — *чжунгохуа*. Начиная с XIV века, с эпохи династии Мин (1368—1644), на территории Китая формируется более менее общий устный вариант языка, который получил название *гуаньхуа*, то есть речь чиновников. В российской науке для этого идиома традиционно использовалась номинация *гуаньхуа*, в традициях же западной науки он чаще назывался *мандаринский*, от португальского глагола *mandar* — приказывать. Само по себе то, что одна и та же реальность получила разные номинации, восходящие к разным научным традициям, представляет определенный интерес, тем более что сейчас и в российских изданиях часто можно встретить номинацию *мандаринский*.

Объяснение данному терминологическому заимствованию дано в работах О.И. Завьяловой: «Терминологическое выделение „мандаринского китайского“ в западной синологической традиции было обусловлено тем, что европейские миссионеры активно работали не только на севере, но и прежде всего на юге Китая. (...) Риччи и другие миссионеры, в частности Альваро Семедо (1585—1658), приехавшие в Нанкин в 1616 г., знали о существовании как далеко отстоящих от пекинского южных диалектах китайского языка, так и о его особой северной форме — мандаринской, или гуаньхуа. Отсюда и необходимость уже в ранней западной синологии терминологически выделять особый «мандаринский» вариант китайского языка, отличающийся от южных диалектов, которые активно изучали западные миссионеры» [10. С. 38].

Гуаньхуа послужил основой для формирования современной стандартной кодифицированной формы китайского языка, получившей название *гоюй*. Подчеркнем, что гоюй был сформирован не только на базе устной формы — гуаньхуа, преимущественно основанной на северных диалектах, но и письменной в большей степени общекитайской формы байхуа. После революции 1949 года номинация гоюй была признана неподходящей по ряду идеологических и политических причин. Гюй был переименован в путунхуа.

Путунхуа — это стандартная форма китайского языка или языка этноса хань: *ханьюй*. Ханьюй включает в себя путунхуа как наддиалектную форму и ряд диалектов, среди которых группа северных диалектов получила название гуаньхуа.

Таким образом, гуаньхуа — это база для языкового стандарта и стандартный язык прошлого и группа современных диалектов. Ханьюй может выступать синонимом путунхуа, но может быть и противопоставлен ему как общее название для стандартизованных и нестандартизованных форм. При встрече китайцы могут спросить друг у друга, говорит ли человек на ханьюй, то есть на китайском языке вообще, или, например, он владеет только языком меньшинств, но могут уточнить, говорит ли он на путунхуа. Иногда путунхуа и ханьюй употребляются безразлично.

В этом ряду есть еще одна номинация — *чжунгохуа*, дословно она означает ‘язык жителей срединного государства’. В самом широком смысле сейчас она употребляется как китайский язык в двух значениях: язык(и) Китая / язык китайской нации (нация как все гражданское сообщество), но может означать и собственно ханьский язык. В этом смысле в разных коммуникативных актах *чжунгохуа* может быть равен *путунхуа*, а может быть гиперонимом по отношению к нему. Может быть синонимом *ханьюй*, а может означать нечто иное, например любой автохтонный язык Китая.

Перейдем к основным принципам категоризации языкового пространства по социальным и политическим параметрам, а также рассмотрению возможных таксономий номинаций в данной области.

КАТЕГОРИЗАЦИЯ И КЛАССИФИКАЦИЯ

Прежде всего, кратко обратимся к трем понятиям — категоризация, классификация и типология — уточнение которых важно для нашей работы. Категории и категоризация, в данном случае безразлично понимаем ли мы их в кантовском духе или в традициях логического позитивизма, — это, в первую очередь, самые общие и глубинные *формы* восприятия и организации феноменов мира, и как таковые относятся в большей степени к гносеологии. Иными словами, они ориентированы на описание отношений между познающим субъектом и объектом познания. Философский энциклопедический словарь дает следующее их определение. Категории — это «общие, фундаментальные понятия, отражающие наиболее существенные закономерные связи и отношения реальной действительности и познания. Будучи формами и организующими принципами процесса мышления, категории воспроизводят свойства и отношения бытия и познания» [11. С. 254].

Классификации и типологии — это *методы* научного познания и как таковые входят в эпистемологию и описывают отношения между объектом познания и формами знания как такового. Таким образом, категории и категоризация — явления принципиально иного порядка, чем таксономии, типологии и классификации. В нашем случае категоризация связана и в значительной степени производна от социальных, политических и, что особенно важно, психологических параметров общественного сознания и тесно связана с дискурсивными формаци-

ями, в которых находит и свое отражение и которые формирует, что будет учтено при дальнейшем изложении материала.

Для определения и разведения терминов «классификация», «типология» и «таксономия» обратимся к работе Г.П. Мельникова [12].

Опираясь на анализ многочисленных работ по предмету, Г.П. Мельников предлагает следующее понимание данных номинаций: «Можно обнаружить, хотя не всегда явно оговариваемую, но определенную субординацию (...) между «типологией» и «классификацией»: «классификация» ассоциирована обычно с понятием родового уровня, тогда как «типология» — это одна из разновидностей классификации, понятие видового уровня» [12]. В нашем случае речь идет о классификации языков по социально-политическим параметрам, то есть мы имеем дело с определенной классификацией языков, наряду с такими классификациями, как генеалогическая, типологическая или ареальная. Внутри данной классификации выделяются различные типы языков, например, социолингвистическая или социополитическая типология миноритарных языков или же типы языков в зависимости от институциональных параметров.

ТАКСОНОМИЯ И ТЕОРИЯ ПРОТОТИПОВ Э. РОШ

Сложнее определить место терминов «таксономия» и «таксон», поскольку «нередко они употребляются как дублиеты терминов „классификация“ и „класс“» [12. С. 30].

Термин «таксон» был введен в науку в 1813 году ботаником О. Декандром «для подчеркивания того аспекта, что эталоны классов, то есть типы, и результаты классификации, т.е. классы, как целостные единицы соотносятся между собой определенным образом, создают специфические, обычно так или иначе иерархизированные, схемы взаимодействия, т.е. представляют собой уникальные значимости в *сети* этих отношений. Следовательно, таксон — это рассматриваемый в значимостном, структурном аспекте тип, представленный соответствующим классом объектов» [12. С. 30].

Однако в силу того, что в современной лингвистике термин «таксономия» редко употребляется в таком конкретном значении и уже сложились определенные традиции его употребления во многом как синонима «классификации», мы будем понимать под таксономией классификацию, проведенную на основе иерархического представления входящих в нее объектов. Лингвистический энциклопедический словарь определяет таксономию как «совокупность принципов и правил классификации лингвистических объектов (языков и языковых единиц), а также сама эта классификация» [13. С. 504]. По характеру таксономической процедуры ЛЭС предлагает различать качественную и количественную таксономию. Качественная таксономия (группы объектов по наличию/отсутствию у них таксономических признаков) «дает четко разграниченные таксоны-классы. Количественная таксономия может содержать как классы, так и поля, т.е. таксоны, не имеющие четких границ и диффузно смыкающиеся с другими таксонами» [13. С. 504].

В нашем материале представлены обе группировки таксонов. Однако общая таксономия должна строиться, как представляется, по принципу поля.

Исследование номинаций проводилось с применением, в числе прочих, методов семантического анализа, среди которых важное место принадлежит теории поля Й. Трир [14. С. 19—27] и теории прототипов Э. Рош [15]. Работы Э. Рош в области семантики показали существование у естественных категорий ряда свойств, определяемых не жестко заданными параметрами и связанными с ними дифференциальными семами, а на более гибких основаниях сходства/различия с прототипическим представителем категории, имеющим психический природу, что приводит к отказу от строгих определений и классификаций в соответствии с определенным, заранее заданным набором сем. Вместо этого предлагается построение своеобразных семантических группировок с центром и периферией, где центральные единицы будут наиболее типичными представителями класса, то есть прототипами. Прототипы данного семантического подхода в общем и целом соответствуют пониманию таксона. Для анализа нашего материала, представляющего социополитические номинации языков в русском и китайском языках, понятие «прототипа» весьма продуктивно, поскольку дискурсы власти формирует наиболее значимые для себя теоретические конструкты — номинации социополитических категорий языков, вокруг которых выстраиваются все остальные.

Прототипическими наименованиями для русского языка в исследуемых нами языковых пространствах будут *государственный*, *национальный* и *родной язык*. Для синоязычного пространства мы предлагаем считать таковыми *путунхуа/го юй* (общий язык, государственный язык), *фаньянь* (диалект) и *миньцзу юйянь* (этнический язык). Однако следует отметить, что категории данного типа очень подвижны и зависят от исторического момента и политической конъюнктуры, поэтому в каждый исследуемый период прототипические категории будут представлены разными номинациями.

ПРИМЕР АНАЛИЗА СОЦИОПОЛИТИЧЕСКИХ НОМИНАЦИЙ КНР

Формат статьи не позволяет привести полный анализ номинаций языков и построенную на его основании таксономию. Мы покажем основные принципы и методологию анализа на примере ряда номинаций КНР.

Прежде всего из различных текстов юридического характера и научных изданий, преимущественно в области социолингвистики, были отобраны номинации, обозначающие социополитические категории языков, которые вместе с текстовыми дефинициями составили корпус исследования. Далее, в целях уточнения значимости выбранных номинаций и решения вопроса о прототипических номинациях в КНР были использованы поисковые системы Google и Baidu. Полученные данные позволили установить количество запросов и текстов, относящихся на соответствующие понятия. В следующей схеме по убыванию представлены номинации языков и количество их упоминаний (рис. 1).

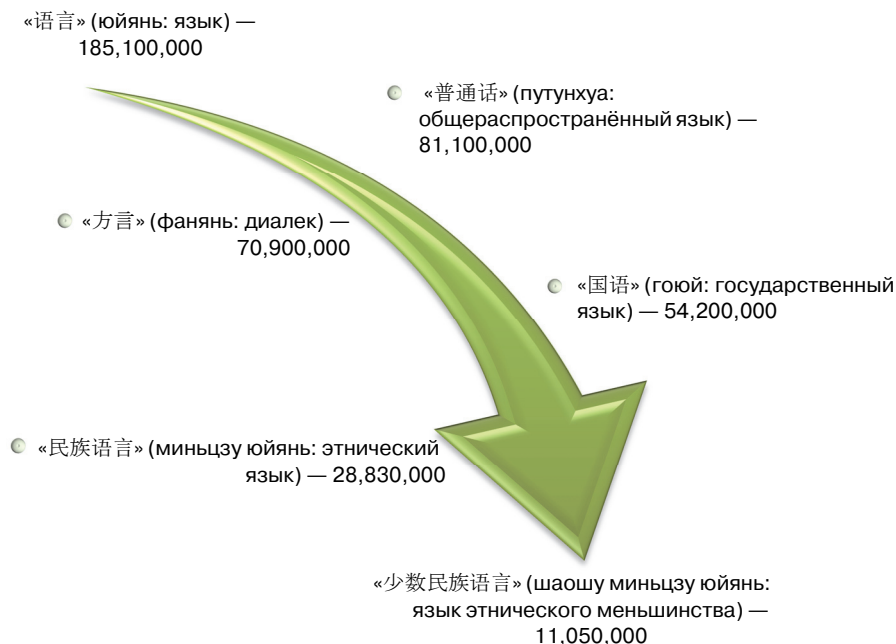

Рис. 1. Частотность социополитических номинаций в КНР по данным поисковых систем Google и Baidu

Очевидно, что в обеих поисковых системах наибольшее количество текстов приходится на понятие «语言» (юйянь: язык), и завершает их «少数民族语言» (шаошу миньцзу юйянь: язык этнического меньшинства). Различна в двух системах частотность номинации «国» (гоюй: государственный язык): в текстовой базе данных Google «国语» (гоюй: государственный язык) упоминается 17 900 000 раз, занимает четвертое место; а в текстовой базе данных Baidu «国语» (гоюй: государственный язык) упоминается 36 300 000 раз, догоняет и перегоняет «普通» (путунхуа: общераспространенный язык).

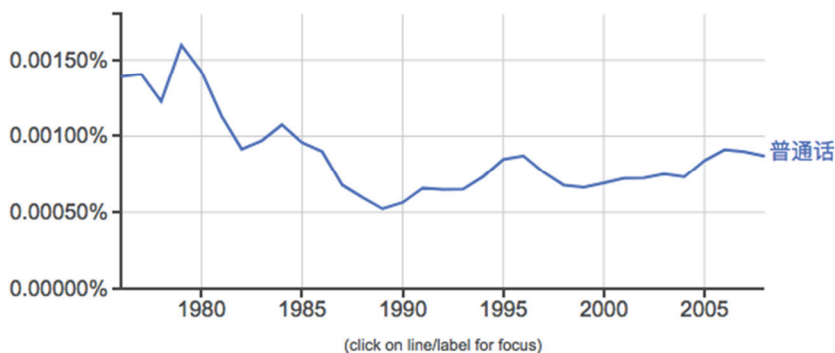
Дело в том, что Baidu используется не только на материковом Китае, но и на всем синоязычном пространстве, включая Тайвань и многочисленные китайские диаспоры. Именно этот факт обуславливает высокую частотность гоюй. *Путунхуа* является официальным названием стандартного языка в КНР, на Тайване и ряде других регионах по-прежнему используется *гоюй* [10; 16; 17]. В остальном результаты двух поисковых систем оказываются схожими: на третьем месте оказывается *диалект*, далее следует *этнический язык* и *язык этнического меньшинства*.

Обобщенные данные можно представить в виде следующей схемы (рис. 2).

Рис. 2. Обобщенные данные по частотности прототипических номинаций КНР

Далее при помощи системы Ngramm Viewer были получены данные о динамике изменения частотности выбранных номинации в период с конца Культурной революции (1976) по настоящее время (см. рис. 3—5). Данная процедура позволяет более точно расставить приоритеты и увидеть изменения в структуре поля номинаций и дает интересную информацию к размышлению.

Рис. 3. 普通话 (пу тун хуа: общераспространенный язык)

Частотность употребления номинации «普通话» (общераспространенный язык) после Культурной революции и до 90-х гг. имела тенденцию к понижению: пик ее употребления приходится на 1979 г. (0.00160%), а долина — на 1989 г. (0.00052%). С 90-х гг. изменение частотности употребления номинации относи-

тельно стабилизируется. Данные графика коррелируют с приоритетами языковой политики КНР и господствующими дискурсивными практиками: в эпоху Культурной революции основной задачей языкового планирования было повсеместное и всемерное внедрение путунхуа. В настоящее время это остается также приоритетной задачей, однако при уважительном отношении к языковому наследию страны и пониманию необходимости его сохранения. В первую очередь это относится к диалектам хань и к этническим языкам.

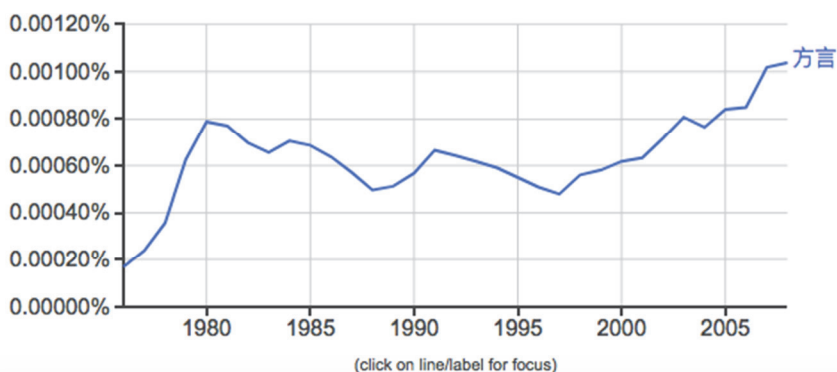

Рис. 4. 方言 (фанянь: диалект)

Согласно графику частотность употребления номинации «方言» (диалект) после Культурной революции имеет тенденции к росту. Первое резкий скачок происходит в 1976 г. и в 1980 г. достигает пика (0.00079%); затем частотность употребления немного снижается и стабилизируется. Второй рост приходится на период с 1997 года, когда частотность употребления данной номинации постоянно увеличивается. Оба периода соответствуют повышенному интересу со стороны общества к судьбам диалектов, прежде всего речь идет о диалектах хань.

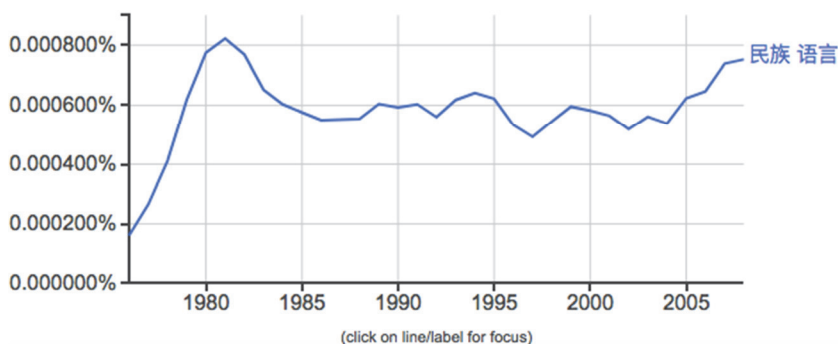

Рис. 5. Этнический язык

Стремительный рост частотности употребления номинации «民族语言» (этнический язык) также происходит после Культурной революции, в 1981 г. рост доходит до пика (0.00082%). Затем частотность употребления несколько снижается

и стабилизируется. С 2004 г. начинается новый рост использования номинации, что связано с обострением положения в национальных автономиях и повышением интереса к автохтонным языкам и культурам в КНР.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей статье были предложены методологические основания для построения таксономий языков исходя из их социальных и политических аспектов. Таксономии данного типа должны строиться с учетом иерархических отношений между единицами и быть организованы по модели поля, в центре которого располагаются прототипические номинации языков. Поскольку данные номинации имеют преимущественно дискурсивную природу, их набор является уникальным для каждого региона. Он обусловлен историческими, идеологическими, политическими и социокультурными факторами. В качестве методов выборки номинаций и определения их места в структуре было предложено использовать такие инструменты статистического анализа, как поисковые системы Google и Baidu, а также Ngramm Viewer. Полученные данные подвергались интерпретации и анализу с привлечением широкого круга исторических, культурных и иных данных.

Как представляется, номинации языков не представляют собой термино-систему в строгом понимании, а являются совокупностями номенклатур, построенных по различным основаниям, как правило, в соответствии с прагматическими задачами того или иного исторического момента.

© Москвичева С.А., Ли Сюэ
Дата поступления: 10.05.2018
Дата приема в печать: 20.05.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Calvet J.-C.* La guerre des langues: et les politiques linguistiques. Paris, Payot, 1987.
2. *Viaut A. et Moskvitcheva S.* (dirs.). Catégorisation des langues minoritaires en Russie et dans l'espace post-soviétique. Bordeaux: Maison des sciences de l'homme d'Aquitaine, 2014.
3. *Мельников Г.П.* Основы терминоведения: Учебное пособие. М.: Издательство УДН, 1991.
4. *Красина Е.А.* К интерпретации понятия дискурс // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2004. no 6. С. 5—8.
5. *Красина Е.А.* Дискурс, высказывание и речевой акт // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2016. Том 20. no 4. С. 91—102.
6. *Foucault M.* Les mots et les choses: une archéologie des sciences humaines. Paris: Gallimard, 1966.
7. *Филипс Л., Йоргенсен М.В.* Дискурс Анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2008.
8. *Бахтин М.М.* Слово в романе // Собрание сочинений. Т. 3: Теория романа (1930—1961). М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 73—223.
9. *Бицилли П.М.* Проблема русско-украинских отношений в свете истории. Прага: Издательское общество Единство, 1930.
10. *Завьялова О.И.* Большой мир китайского языка. М.: Из-во Вост. Лит, 2010.
11. *Философский энциклопедический словарь.* М.: Советская энциклопедия, 1989.
12. *Мельников Г.П.* Системная типология языков: Принципы, методы, модели. М.: Наука, 2003.

13. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
14. Щур Г.С. Теории поля в лингвистике. М.: URSS, 2008.
15. Mervis C.B., Rosch E. Categorization of natural objects // *Annual Review of Psychology*. 1981. Vol. 32. 89—115.
16. Москвичева С.А. Терминология в области социолингвистических категоризаций языков: поиск идеала или точки зрения? // *Вестник РГГУ. Психология. Педагогика. Образование*. 2017. no 4. С. 45—62.

УДК: 81'27(510)

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-669-684

CATEGORIZATION OF LANGUAGE NOMINATIONS IN THE SOCIOLINGUISTIC SPACE OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Svetlana A. Moskvitcheva, Li Xue

RUDN University

117198 Moscow, str. Miklukho-Maklay, 6, Russian Federation

Abstract. In this article, the principles of language taxonomies construction depending on the social and political categorization of language space are introduced. It is proposed to strictly differentiate the concepts of language categorization and classification/typology/taxonomy. Categorization is understood as a form of cognition, it connects the subject and the object of cognition, therefore its products are representations of different levels of abstraction in the individual or collective consciousness. Taxonomies and classifications, as methods of cognition, refer to epistemology and represent principles of regulation by the result of categorization. Since the socio-political categorization of language space is fundamentally discursive in nature, therefore, it represents the points of view of various subjects of cognition, it is unlikely to talk about the existence of terminology in this field in the strict sense. We are dealing with multiple nominations stemming from different periods, ideologies and the pragmatic goals of various actors of glottopolitics, which leads to broad contextual synonymy and antonymy of nominations in this area. The discursive nature of these nominations results in a fundamental difference in the semantic field of formally similar nominations in different cultural and political regions, which complicates adequate translation and requires careful semantic research.

Keywords: categorization, taxonomy, language situation, language policy, sociopolitical categories of languages, Russian language, Chinese language

REFERENCES

1. Calvet, J-C. (1987). *La guerre des langues et les politiques linguistiques*. Paris: Payot.
2. Viaut, A. & Moskvitcheva, S. (dirs.) (2014). *Catégorisation des langues minoritaires en Russie et dans l'espace post-soviétique*. Bordeaux: Maison des sciences de l'homme d'Aquitaine.
3. Melnikov, G.P. (1991). *Fundamentals of Terminology: Textbook*. Moscow: Publishing House of the UDN. (In Russ.).
4. Krasina, E.A. (2004). Towards interpretation of discourse as concept. *Russian Journal of Linguistics*, 6, 5—8. (In Russ.).
5. Krasina, E.A. (2016). Discourse, Statement And Speech Act. *Russian Journal of Linguistics*, 20(4), 91—102. (In Russ.).
6. Foucault, M. (1966). *Les mots et les choses: une archéologie des sciences humaines*. Paris: Gallimard.

7. Phillips, L. & Jorgensen, M. (2008). Discours Analyse as Theory and Method. Khrkov: Gumanitarny tsentr. (In Russ.).
8. Bahtin, M.M. (2012). Word in the novel. In *Collected Works, Vol. 3: Theory of the Novel (1930—1961)*. Moscow: Âzyki slavânskikh kul'tur. pp. 73—223. (In Russ.).
9. Bicilli, P.M. (1930). The problem of Russian-Ukrainian relations in the light of history. Praga: Izdatel'skoe obšestvo Edinstvo. (In Russ.).
10. Zavyalova, O.I. (2010). The big world of the Chinese language. Moscow: Vostochnaya literatura. (In Russ.).
11. Philosophical Encyclopedic Dictionary. (1989). Moscow: Soviet Encyclopedia. (In Russ.).
12. Melnikov, G.P. (2003). System typology of languages: principles, methods, models. Moscow: Nauka. (In Russ.).
13. Linguistic encyclopedic dictionary. (1990). Moscow: Soviet Encyclopedia. (In Russ.).
14. Shchur, G.S. (2008). Field theories in linguistics. Moscow: URSS. (In Russ.).
15. Mervis, C.B. & Rosch, E. (1981). Categorization of natural objects. *Annual Review of Psychology*, 32, 89—115.
16. Moskvitcheva, S.A. (2017). Terminology in the field of sociolinguistic categorization of languages: the search for an ideal or point of view? *Vestnik RGGU. Psychology. Pedagogic. Education*, 4, 45—62. (In Russ.).

Для цитирования:

Москвичева С.А., Ли Сюэ. Категоризация номинаций языков в социолингвистическом пространстве Китайской Народной Республики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 3. С. 669—684. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-669-684.

For citation:

Moskvitcheva, S.A. & Li, Xue (2018). Categorization of language nominations in the sociolinguistic space of the People's Republic of China. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(3), 669—684. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-669-684.

Сведения об авторах:

Москвичева Светлана Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов; *научные интересы*: социолингвистика, типология миноритарных языков, репрезентация языка, семантика, теория языка; *e-mail*: moskvitcheva@mail.ru

Ли Сюэ, аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов; *научные интересы*: терминология, терминоведение, систематика, лексикология, семантика, типология миноритарных языков; *e-mail*: evelynlee@mail.ru

Information about the authors:

Svetlana A. Moskvitcheva, PhD, Associated Professor, Associated Professor of the of General and Russian Linguistics Department of the Philological Faculty at Russian Peoples Friendship University (RUDN University); *scientific interests*: sociolinguistics, typology of minority languages, language representation, semantics, language theory; *e-mail*: moskvitcheva@mail.ru

Li Xue, graduate student of the General and Russian Linguistics Department of the Philological Faculty at the Russian University of Peoples Friendship; *scientific interests*: terminology, taxonomy, lexicology, semantics, typology of minority languages; *e-mail*: evelynlee@mail.ru